

Николай Лесков

Райский змей

Николай Семёнович Лесков

Райский змей

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175406*

Аннотация

«„Райским змеем“, а иногда „Коварною лисицею“, современники звали епископа луцкого, преосвященного Кирилла Терлецкого, любопытное жизнеописание которого появилось в местном журнале „Киевская старина“. Материал для этой статьи совершенно нов и взят автором „из актовых книг“, а редакция журнала придает ей большое и вполне заслуженное значение...»

Содержание

Николай Лесков

Райский змей

(Из мелочей архиерейской жизни)

«Райским змеем», а иногда «Коварною лисицею», современники звали епископа луцкого, преосвященного Кирилла Терлецкого, любопытное жизнеописание которого появилось в местном журнале «Киевская старина». Материал для этой статьи совершенно нов и взят автором «из актовых книг», а редакция журнала придает ей большое и вполне заслуженное значение. В этой статье мы встречаем такие «мелочи архиерейской жизни», которыми весьма живо и ново «характеризуется время, непосредственно предшествовавшее введению унии». Читая эти мелочи, вьявь видишь, как уния приуготовлялась не столько католическими противниками православия, сколько «поразительным упадком нравов в среде высшего южнорусского духовенства». Католичество только воспользовалось благоприятными для него обстоятельствами: уния, говоря словами киевского исторического журнала, явилась «как очистительный клапан или как болезненный нарыв, открывший исток для нечистот, скоплавшихся веками в церковно-общественном организме».

Это взгляд новый и не пользующийся у многих доверием, но тем не менее – взгляд в высшей степени интересный и за-

служивающий внимания. Во множестве сочинений об унии ее обыкновенно принято представлять исключительно делом польской религиозной нетерпимости, хотя склонный к историческому анализу ум всегда затрудняется верить, чтобы это могло быть так успешно совершено при одном давлении правительства и при помощи нескольких переметчиков из высшего православного духовенства. Редакция нового киевского журнала, воспользовавшись новыми, до сих пор не опубликованными архивными документами, судит об успехах унии гораздо основательнее и самостоятельнее, а притом, сколько можно чувствовать и отгадывать историческую правду, – новый орган едва ли не прямее других подходит к настоящей причине события, которое, очевидно, не могло бы произойти так успешно, если бы православная южно-русская церковь в то время не представляла в себе самой сильнейшего разложения. Картины этого разложения чрезвычайно яркие и даже страшны, но зато поучительны. Раствление шло сверху вниз – с лиц, стоявших во главе церковной власти, т. е. с архиереев, вытворявших в мелочах своей архиерейской жизни чудеса, внушавшие к ним ненависть, презрение и все другие чувства гадливости, какие можно питать к людям, с которыми неприятно сталкиваться, а тем паче иметь какое-либо дело. Архиерейская среда была такова, что, по словам «Киевской старины», во всем персонале преосвященных владык было «весьма трудно найти людей с нравственными качествами, соответствовавшими высоте

их служения». Чтобы представить это с должною историческою доказательностью, «Киевская старина» намерена напечатать «ряд очерков из жизни южнорусского высшего духовенства», из коих в первую голову представлен преосвященный Кирилл Терлецкий, смиренный епископ луцкий, по прозванию «Райский змей» или «Коварная лисица».

Мы сделаем самую краткую выдержку из этого документального рассказа, сколько интересного, столько же и поучительного.

Преосвященный Кирилл Терлецкий был сделан епископом «по грамоте короля Стефана Батория», а Баторий, назначая его преосвященство, полагался на рекомендацию или представление киевского митрополита Ионы. «Наиболее выдающиеся черты характера» Терлецкого были: «хитрость, изворотливость и склонность к проискам». Впрочем, сами митрополиты были насчет преосвященного Кирилла неодинакового мнения: Иона его рекомендовал доброму королю Батуру с наилучшей стороны, а другой митрополит Михаил Рагоза (смотри его письма к кн. Острожскому) называет Кирилла «Райским змеем» и «Коварной лисицей» и советует его «беречься». Поэтому обе клички, несколько неловкие по приложению их к лицу святителя, по крайней мере несколько умягчаются тем, что их преосвященному Кириллу дала духовная особа, еще выше его стоявшая в церковной иерархии. Многие другие достоверные лица все единогласно сви-

детельствуют о сребролюбии Терлецкого, о его невоздержании, чужеложстве, убийствах и других, сим подобных, «выступках, о коих мало не весь свет знает». В частности же его обвиняют «в убийстве маляра Филиппа и попа Стефана, в преступной связи с невесткою, т. е. женою родного его брата, в дружбе с ворами, в делании фальшивой монеты и в проч.».

Каким же образом «Райский змей» умел обдeldывать все это так, что его поистине богомерзкие деяния, будучи «мало что не всему миру ведомы», не мешали ему усидеть до смерти на епископском престоле, а после кончины целых двести лет таиться под архивною сенью?

Вот в этом и заключается большой интерес: преосвященный Кирилл был человек удобный для политических видов правительства, и мы сейчас будем видеть, что ради этого было принесено в жертву из «интересов церкви».

Епископ Кирилл, вероятно, был вдов, потому что у него была дочь Ганна и потому что в архиерействе своем он уже «жил в чужеложстве с женою брата своего Яроша, Мариною Богухваловною». Если бы у него была своя жена, то он, может быть, жил бы с своею, так как это тогда у некоторых архиереев важивалось, но он предпочитал грех Ирода, «держа жену брата своего». Впрочем, связь архиерея с братниною женою, по-видимому, никого особенно не стесняла, и ни король, ни епархия, ни даже сам муж Богухваловны преосвященному на этот счет не докучали. Тайно содеваемое тайно и судилось, но к епископу, кроме блудного беса, пристало еще

семь бесов, которые пошли его разжигать на столь непотребные дела, что он не мог воздержаться от самых явных беззаконий, из коих одно было ужаснее другого, а между тем все сошли с рук, «да не будет молва в людях» и да не постыжден будет святитель, удобный в политических видах правительства Батура.

«Не прошло года со вступления преосвященного Кирилла в управление епархией», как в судебных актах того времени встречаются на него жалобы разных лиц, к которым не избранный епархией, а назначенный грамотою короля епископ относился с удивительною наглостью.

Первое крупное деяние епископа Кирилла заключалось в том, что он силою выселил семейство луцкого старостича Марка Жаровницкого. Для этого энергический святитель сформировал вооруженный отряд более как в тысячу человек и главное начальство над ним вверил брату своему Ярошу, а офицерами назначил «клирошан». Лично сам преосвященный в этой кампании участия не принимал, а оставался дома с Богухваловной. Отряд же, предводимый мужем Богухваловны, пошел и сделал ночью нападение на дом Жаровницкого: дом разграбили по-разбойнически, мужчин побили, а всех найденных здесь женщин клирошане «раздели донага и многих изнасиловали».

Пострадавший Жаровницкий два раза жаловался на разбойничество епископа, но преосвященный остался ненаказанным. Столь он был дорог королю Стефану, что тот вме-

сто того, чтобы выдать его суду, «принял его под свое покровительство, оправдал его и самые жалобы в актовых книгах приказал уничтожить».

Такая первая повадка пошла впрок Кириллу, который с этих пор еще крепче убедился, как выгодно держаться за светскую власть, от которой он получил свое святительское назначение. В ней же он теперь видел для себя и самую прочную защиту и пошел вперед, «восходя от силы в силу».

Рассердись на священника Савву Фалицкого, преосвященный Кирилл посадил этого священника с женою его и детьми в тюрьму, где и морил их «холодом и голодом шестнадцать недель, а все их имущество взял за себя».

Опять была на преосвященного жалоба, и опять обиженные с него ничего не выиграли и должны были с святителем помириться.

В это время умирает благородный «Батур» и на престоле является Сигизмунд III, покровитель будущей унии. Этот король не имел ни веротерпимости, ни других добрых свойств седмиградского героя, и совсем не уважал предстоятелей православной церкви, – что и было понятно, если судить только по преосвященному Кириллу, который, впрочем (как сказано), не составлял в тогдашней архиерейской группе явления, особенно уединенного. «Райскому змею» в царствование Сигизмунда придется защищать православие, но какой же он мог быть защитник, когда на самого на него жаловались полякам и миряне его епархии и само подвластное

ему духовенство, и этих несчастных нельзя в том винить, потому что у поляков только они могли находить участие и защиту от разврата и лютости своего святителя. Был даже такой случай, что «когда Терлецкий, отстаивая свои права над подвластным ему духовенством, упрекал жаловавшегося священника в порочной жизни, то духовенство само от этого отбивалось, а староста в присутствии суда публично заявил, что он знает немало грехов за самим епископом». Причем в числе грехов, неудобных для святителя, было прямо упомянуто, что «к владыке приводили развратную женщину» (65).

Преосвященный Кирилл понял, что надо переменить фронт, и стал ладить с поляками, а когда заручился их расположением, опять начал свой прежний образ жизни.

Для первого шага святитель луцкий «задумал отобрать» у королевского секретаря Бролевского местечко Фалимичи; его преосвященство вооружил своих слуг и послал их под предводительством зятя своего (мужа дочери его Ганны). «Во время штурма» люди архиерейские изуродовали некоего Гижевского, которому они просто-напросто отрубили руку, а преосвященный Кирилл «воспретил допускать к нему фельдшера и приказал еще посадить несчастного в тюрьму и морить его голодом и холодом, а по временам истязал его в своем присутствии в течение целых 12 недель».

Началось дело, но святителю не хотелось судиться – он предпочитал уклоняться от подсудности светскому суду, и это ему вполне удалось. Несмотря на то, что светский суд

тогдашнего времени нашел разбойное дело преосвященного себе подсудным, владыка добился, что оно, по его апелляции, было перенесено в трибунал, и там дальнейшая судьба этого производства осталась неизвестною.

Это прибавило духу владыке, и он осмелел еще более.

Некто шляхтич Закревский ехал и вез с собою «швачку» (т. е. швею), «своей госпожи девку Палажку». В пути их застигла ночь, и они заехали переночевать к крестьянину в церковном селе Фалимичах. Проезжие с дорожной усталости залегли спать с сладкою надеждою, что их никакой злой дух до утра не потревожит и они мирно выспятся, а наутро станут продолжать свою путину. И злой дух их, действительно, не тронул, но прислал вместо себя благонадежного посла. «Поздно ночью, когда уже все спали, сюда неожиданно явился в пьяном виде и с небольшим числом слуг сам его милость владыка луцкий, преосвященный Кирилл, проживавший в фалимическом замке. Он начал бранить Закревского, отобрав у него торбу с деньгами, лошадь, воз и имущество и приказав все это отправить на свой двор. А затем он взял с собою и девку Палажку, привел ее к себе и, запершись с нею в каморе, изнасиловал ее» (67).

Обесчестив девушку, преосвященный тотчас же «после сего приказал посадить ее в погреб», но Палажку стерегли плохо, и она, «улучив удобную минуту, убежала оттуда». На владыку Кирилла, по случаю изнасилования Палажки, была подана жалоба, а саму пострадавшую от его преосвящен-

ства «швачку» подвергли допросу. Бедная девушка «лично подтвердила все вышесказанное» и «представила на то (какие-то) свои вещественные доказательства», которые были признаны вполне убедительными. Начался суд над насильником, но он не робел: «Палажка» как особа не шляхетского звания не могла быть обвинительницей изнасиловавшего ее архиерея. Дело по этому бесправию пострадавшей осложнилось и затруднилось в самом производстве и длилось целых девять лет, пока Палажка умерла, а архиерея извиняли тем, что он был очень пьян. Впрочем, ему еще предстояло совершить многое.

Не решено еще было дело Палажки, как владыка Кирилл уже успел забрать насильно имущество умершей жены шляхтича Обуховича и с вооруженною шайкою в 200 человек выгнал законных владельцев с. Смыкова.

По этим двум делам преосвященному надо было явиться к ответу, но тут для него, как для лица политически удобного, употреблен был крупный прием: «последовало распоряжение Сигизмунда III о том, что все судебные дела, касающиеся епископов Кирилла Терлецкого и Ипатия Потоя (Поцея), отправленных (в Рим) по государственному делу, должны быть приостановлены».

Из этих тщательно укрывавшихся до сего времени «мелочей архиерейской жизни» (против оглашения которых и ныне еще много охотников ратовать), может быть, более чем из иных важного наименования исторических документов вид-

но, чего могло ожидать православие, получавшее в Риме таких предстоятелей, которым впору было беречь себя, а не церковь. Будучи кругом запачканы, развратны и избалованы, они, разумеется, не могли дать честного отпора светской власти, покрывавшей их грехи наперекор желаниям церкви, изнемогавшей и падавшей все ниже и ниже от безнравственности и ничтожества своих архиереев, которыми успехи унии были приуготовлены и обеспечены.

Рим их довоспитал в смысле утонченности приемов злодейства.

По возвращении из Рима преосвященный Кирилл застал дома новое дело, начатое против него архимандритом Гедеоном Балабаном, у которого святитель луцкий домогался отнять доходный жидячинский монастырь. Архимандрит Гедеон, разумеется, не хотел упускать из рук жирного куса и, несмотря на свое иерархически подчиненное положение, повел с преосвященным ожесточенную тяжбу, причем, надо полагать, архимандрит не упускал случая надзирать за скандальным образом жизни владыки, дабы этим, когда нужно, воспользоваться. У Балабана был племянник Григорий Балабан, который жил по соседству с владыкою и мог следить за всеми мелочами святительской жизни. Преосвященному Кириллу это, разумеется, совсем не нравилось, и он решил сбить с рук неудобного соседа. Тут ему и помогла побывка в Италии: еп. Кирилл пожелал заняться отравлением, но взялся за это не с прежними грубыми русскими приемами, а во

вкусе Борджиа.

«Григорию Балабану (т. е. племяннику архимандрита) было доставлено письмо» от епископа Кирилла, но Балабан долго не решался принять это письмо, а тем более «отказывался вскрыть его». Посланец владыки, священник, однако, сумел раздражить любопытство Балабана и уговорил его прочесть святительское послание. «Но едва Балабан поднес письмо к свече, чтобы получше рассмотреть надпись, как его обдало какою-то ядовитой пылью, и он внезапно впал в обморок. К счастью Григория, при нем случился его брат, которому были известны некоторые противоядия, при помощи коих и удалось спасти его от явной смерти».

Не успел Балабан оправиться после этого случая, как была совершена вторичная попытка отравить его: к нему пришли два человека из слуг архиерейских, из коих один был владычный портной, а другой певчий. Взойдя в комнату, портной и певчий оба разом прокричали веселый привет: «Вашей милости наша служба», и протянули Балабану свои руки, но хозяин был уже осторожен и вместо того, чтобы дать приятельское рукопожатие святительским людям, сказал им:

– Вы были в Италии и знаете итальянские обычаи, так поцелуйте же прежде свои руки, а потом уже я буду здороваться с вами.

Те подчинились этому требованию, но все-таки перехитрили Балабана.

«Слуги епископа махнули руками мимо своих уст, после

чего Балабан доверчиво с ними поздоровался и стал их угощать медом, но когда сам выпил и обтер рукою губы, то мгновенно почувствовал слабость и обомлел, а по телу его пошли желтые пятна. Его вынесли полумертвым, а слуги владыки Кирилла бежали».

Двукратный неуспех, вероятно, раздражил пылкого святителя, и он не желал новых опытов разделаться с Балабаном на тонкий итальянский манер, а взялся опять за свои прежние русские приемы, которые ему были лучше знакомы. Его преосвященство напал на монастырь с вооруженною толпою, «отбили двери церковные и, забравшись в церковь, пограбили все, что нашли: деньги, серебро, золото, иконы с ризами, свечи, облачение и проч.». Затем разграбили дом архимандричий, пасеку и житницы, где достали множество предметов, между коими есть интересные для определения характеристики монастырского быта того благочестивого «древлего века». В запасах взятой штурмом обители взято «солонины полтес сорок, сала тридцать, журавлей выкормленных восемь» и т. п.

Монастырь, из-за которого преосвященный Кирилл тягался и, наконец, открытым боем бился с архимандритом Балабаном, был хорошо приспособлен для удобной жизни, так как тут до Балабана настоятельством архимандрит Никодим Шибинский, прославившийся убийством и тем, что он, «разогнав братию, держал в монастыре наложниц и с ними имел мерзкую справу Богу» (?!). Монастырь был так богат,

что «грабеж его людьми преосвященного Кирилла продолжался целых пять дней».

Балабан в это время сидел в засаде в церкви, а святительские люди стерегли архимандрита и «для развлечения стреляли в купол».

Разграбив св. обитель, преосвященный нажаловался еще на архимандрита Балабана королю, и архимандрит был объявлен лишенным покровительства законов, а потом осужден на изгнание из отечества.

Кроме того, преосвященный был обвиняем в мошенничестве некоего Шимковича, солгав, будто тот утаил денежный бланк, а потом перепродал его врагу Шимковича. Потом владыка Кирилл обвинялся еще «в убийстве и утоплении священника Стефана Добринского», который «пользовался большим уважением в народе». Чтобы скрыть следы этого злодейства, вместе с отцом Стефаном был за компанию утоплен кузнец, с которым священник шел ночью вдвоем домой. Кто из слуг святителя утопил священника с кузнецом, не объясняется, но видно, что о гибели отца Стефана доложили владыке, когда он сидел за обедом, и тогда святитель, услышав, что «поп сгинул», «рекл»:

«Это молитвы наши его побили».

Однако люди не поверили таковой силе святительских молитв, и дело дошло до суда, но опять совершенно напрасно: адвокат архиерея заявил, что «преосвященный не намерен оправдываться перед светским судом, ибо он, как особа ду-

ховная, считает себя подсудным единственно суду духовному». Дальнейший ход этого любопытного процесса не вполне известен. Ясно, впрочем, что он тоже не имел отягчительных последствий для преосвященного Кирилла, потому что владыка не только уцелел на своей архиерейской кафедре, но вскоре опять был обвиняем в новом убийстве, которого уже и сам не решался приписывать одной силе своих святительских молитв.

Жертвою нового убийства был какой-то маляр Филипп – человек «многоденежный», и убит он с целью присвоения себе его «румяных золотых». В этом убийстве преосвященный Кирилл был уличаем перед лицом князя Константина Острожского, и случай этот вызвал против него огнеустые слова с дальнего Афона. Оттуда инок Иван Вишенский обличал луцкого архиерея, что он, кроме упомянутых убийств, «много других живых мертво к Богу переслал, – одних секаною, других водопленною, третьих – огнепаленною смертию». Сколь все это ни страшно, но преосвященного Кирилла это не исправляло и служебной его карьере нимало не препятствовало: приумножая свои грехи и соблазны, оскорблявшие церковь, он продолжал быть строителем тайн Божиих и верным слугою короля, одними и теми же руками преподавая благодать даров Духа Святого и посылая отравленные пакеты.

Не щадил преосвященный Кирилл и своих родных людей, – если они имели несчастье навлечь его гнев: так, на-

пример, двоюродный брат его, Иван Терлецкий, жаловался суду, что владыка «поносил его, старого человека, бранными словами, собственною рукою вырвал ему бороду, сбил с ног и бил бесчеловечно ногами в грудь, с которого удара заразились кишки по зашкурою надол пошли и теперь меж удом на нозе висят, с чего и хромота сталася».

Изуродованного святителем брата его свидетельствовали и «видели у него бороду вырванную, рану в пахе левой ноги, с которое кишки надол пошли».

Дело это совсем не дошло до суда, а владыка Кирилл «выпросил у короля специальную грамоту, которою повелелось вымазать в судебных книгах жалобу Ивана Терлецкого, чтобы о ней на будущее время не оставалось никакого помину».

Потворство короля епископу, представлявшему в себе много удобств для политических видов правительства, было, конечно, исполнено, но «помин» об этом, как видим, все-таки остался.

Наконец стал касаться святителя гнев божий: восстала на него его собственная кровь – родная дочь его Ганна и ее муж вступили с другими людьми в заговор, чтобы убить преосвященного Кирилла, и привели свое намерение в исполнение, но владыка спасся от убийц и ждал положенного ему часа для отшествия от мира сего, в пределах которого он поистине «совершил все земное».

Последние годы «Райского змея» после того, как на него восстали не чужие люди, а даже его собственная дочь, все-таки не были отменой от всей его прежней, продолжительной жизни. Они «прошли в ссорах и тяжбах», и только, наконец, в мае месяце 1607 года для него ударил час смерти. Святитель опочил семидесяти с лишком лет, из коих 30 лет архиерействовал, ведя православную церковь к распадению, к которому она не могла не придти, имея епископов, из коих «трудно указать людей, соответствовавших высоте своего служения».

Но историческая справедливость обязывает, однако, исследователя ответить, что преосвященный Кирилл не был человек неверующий, а напротив, он был в вере тверд и «греческого обряда любитель»; а также много полагался на очистительную силу молитв церкви за умерших.

За полтора месяца до своего успения преосвященный Кирилл написал «тестament», или духовное завещание, в котором, «вспоминаючи грехи свои, просил святое Божеское милосердие не помнить его злости и не входить с ним в суд». Объясняясь так с Провидением, он завещал смертным «богатое наследство», причем не лишил благостыни и дочь с зятем, которые ранее покушались на его жизнь. Надо было раздавать, когда нельзя было более ни уберечь при себе, ни унести с собою. Потом владыка приказал «похоронить» «себя учтиво, собором, по греческому чину погребения епископского», совершать сорокоуст и раздать 200 золотых бедным

с тем, чтобы они молили у Бога «об отпущении грехов». Не позабыл он позаботиться и о храмоздательстве, назначив «150 золотых на постройку церкви».

«Мощи» почившего святителя опрытали и погребли, как он приказал, «обычаем греческим», и справили сорокоуст, а из оставленного им «богатого имущества» отделили 200 золотых на долю молельщиков за его душу, до 150 монет «на постройку церкви, в которой должно было приносить за его грехи моления и искупительную, бескровную жертву».

Он кончил, но плоды его делания остались: люди православные, видев во главе церкви таких иерархов, как преосвященный Кирилл и другие ему подобные, не оказали того усилия устоять в отеческой вере, за недостатку коего их укоряют иные историки. Простой народ, менее понимавший в этих настроениях и менее рассуждающий, обнаруживал еще более стойкости, но людям, более сведущим и рассуждающим шире, все это стало до такой степени противно и несносно, что многие из них уже не могли взять в толк, за что лучше уместно стоять, чтобы уберечь возможность воспитать детей и самим дожить век непостыдно и мирно в ладу с какою-нибудь церковью, с которою можно удобнее мириться. И вот почему они часто так легко переходили не только в унию, но даже прямо в католичество, хотя и в сем последнем была почти та же безнравственность, и в самом католичестве чувствовалось уже движение в сторону протестантизма. Но католическое духовенство в значительной мере умело лов-

чею вести свои дела, и притом католическая вера, как господствовавшая в государстве, пользовалась преимуществами, которые всегда имеют значение для людей, желающих достичь неба, не теряя у себя из-под ног земли.

«Киевская старина», к сожалению, однако ни одним словом не отметила, почему из православных, выведенных из терпения ничтожеством и безнравственностью своих епископов, движение обнаружилось все-таки в сторону католичества и унии, а не в сторону протестантизма, где христианская нравственность и тогда стояла сравнительно выше и ближе к евангельскому идеалу. Но причины этого, впрочем, очевидны и просты: народ дорожил внешним обрядам, без которого не понимал христианства и шел только туда, куда клонились его пастыри. Чтобы стало возможно народное движение в духе протестантизма, потребовалось еще целых двести лет, успехи грамотности и распространение книг Св. Писания. Только тогда на юге России выяснилось такое церковное положение, при котором стало оказывать свое влияние протестантское учение, охватившее нынче этот край под неясным названием «штунды». Но замечательно, что на этот раз покидающими православие для штунды являются уже не представители образованных классов, а сельское население, и что, однако, и эти люди первую причину к своему разладу с церковью считают невозможность ладить с духовенством, в среде коего, как им кажется, будто бы не только оскудел, но даже совсем иссяк дух веры и любви христианской.

Словом, те же личные качества православной иерархии, которые двести лет назад приуготовляли умы и сердца людей к сознанию необходимости перехода в иную церковную группу, по всем видимостям качествуют и доселе, и очень может быть, что они произведут какие-либо однородные последствия, хотя в несколько иной форме, более отвечающей духу времени и более короткому знакомству простого народа с Библией. «*Biblia est mater hereticorum*»¹ – говорят католические богословы, отличающиеся, по крайней мере, большою последовательностью.

Православный клир, как много раз сказано и доказано, в нынешних церковных движениях на юге России явился столь же небезучастным и небеспричинным, как и в оно время, когда православие так успешно разлагалось в унию. Уния снова воссоединена с православием государственными мероприятиями такого времени, которое недавно изданная по распоряжению обер-прокурора синода книжка о расколе считает особенно благоприятным для дел церковных. Вся рознь тогда чуть не была искоренена до конца, но вот прошло немного лет, и вместо старой розни является новая, и опять все жалуется на старое зло, – на духовенство, которое наконец и сам нынешний обер-прокурор св. синода г. Победоносцев в речи, сказанной в Киеве, подверг суровому осуждению.

Где же средства против этого зла, если даже не в мощных

¹ «Библия – мать ересей» (лат.).

руках г. обер-прокурора?..

Киевский исторический журнал дает чувствовать, где было такое средство и как оно потеряно. Показывая нам любопытные мелочи старой архиерейской жизни, из коих выходят очень крупные выводы, «Киевская старина» вполне верно изъясняет причины, по которым южнорусские епископы дошли до того «поразительного упадка нравов», при котором «трудно стало найти между ними людей, соответствовавших высоте их служений». Причина эта, по мнению редакции, во главе которой стоит бывший профессор духовной академии, заключается «в системе замещения высших церковных должностей в православной иерархии». Она обозначилась после того, как «древний обычай свободного избрания клиром и народом лиц, достойных занятия высших церковных должностей, вышел из практики и был заменен простой рекомендацией претендента со стороны особенно знатных духовных или светских лиц». После этого вырванное из рук «клира и народа» право избрания в существе выпало и из рук высших духовных лиц, получивших право «рекомендаций», и, вероятно, думавших фактически им пользоваться. Они ошиблись: короли внимали их рекомендациям только тогда, если эти рекомендации отвечали собственному выбору монархов, которые сами не всегда могли знать претендентов, а притом и не всегда руководились соображениями религиозными. Между тем это всего важнее в делах церковных, так как, к сожалению, весьма возможно, что че-

ловек, очень удобный в смысле политическом, оставляет желать много лучшего в смысле нравственном. Короли, стоя по высоте своего положения, далеко от среды, из которой избирались епископы, не могли их знать со всех сторон и потому легко могли впадать в ошибки, делая назначения неудачные, а потом должны были отстаивать своих плохих избранных, вроде святителя Кирилла.

На его внушительном примере мы видим, что тут «последняя вещь была горше первая».

Право же избрания епископов королями фактически явилось в руках королей таким образом, что они, пользуясь *de jure* будто бы только правом «утверждения» кандидатов, *de facto*² «просто-напросто сами назначали кого хотели». Этого лица, стершие из практики голос народного избрания ради присвоения себе права «рекомендаций», не предусмотрели... Потом они могли жалеть, но пословица говорит: «Что укоротишь, того не воротишь».

Таким образом, дело церковное в юго-западном русском крае было доведено до того, что, когда церкви здесь стала угрожать опасность потери своей самостоятельности, за нее не только не нашлось того числа сильных борцов, какого следовало ожидать, но сами же епископы явились пагубниками православия и самыми деятельными приурогователями церковного распада.

При этом для полноты и ясности представления, конечно,

² юридически... фактически (*лат.*).

весьма уместно показать: как же относились к описанным делам другие епископы, которым все это не могло быть чуждо? Неужто они не протестовали, не слали преосвященному Кириллу увещательных и обличительных грамот, за которые брался даже отшельник отдаленного Афона? Нет, ни обличений, ни увещаний владыке Кириллу, пользовавшемуся милостями короля, они посылать не дерзали, но протест от них был, только в какую сторону? «Архиереи с видом угнетенной невинности удалились под защиту короля, с представлением, что вот-де, милостивый государь, совершается новая неслыханная речь: овечки на пастырей жалуются и нас за пастырей своих не признают».

Как должны были любить бедные «овечки» таких пастырей, не входящих с участием во двор овчий, а «прелазящих инуде»?

Так, как они их любили.

Над сими пастырями сбылось вполне слово Писания: «Овцы за ними не шли, а бежали от них, как от наемников».

Писание «мимо не идет», и да будет «благо тем, кого чужие беды делают благоразумными».

По крайней мере, так гласили нам министерские прописи, издававшиеся во дни нашего детства с разрешения цензора Елагина, под несчастною фирмою которого теперь какие-то бездарные писаки выпускают лживые и глупые книжки о духовенстве.

Первые опубликовано – газета «Новое время», 1882.